

офицера. Потомъ пришелъ секретарь Сербиновъ съ исправникомъ Шапошниковымъ и принесли образъ въ баню; не знаю зачѣмъ, поставили меня на поклоны, велѣли класть чаще поклоны, а сами стояли по сторонамъ. Часовые въ то время были высланы вонъ. Отъ тяжести кандаловъ, въ которые я былъ закованъ, и отъ того, что я много положилъ поклоновъ, со мною стало дурно и я упалъ навзничь. Секретарь вышелъ изъ бани, а исправникъ остался. Заставляя дѣлать поклоны, они говорили:

— «Ты отрекся отъ Бога и не хочешь сознаться въ томъ, что видѣлъ, какъ помѣщикъ убилъ дѣвицу Алтухову...

«Исправникъ словесно уговаривалъ меня. Когда секретарь выходилъ вонъ изъ бани, то сказалъ:

— «Этого мало тебѣ, велю дать плетей!

«Секретарь велѣлъ при отходѣ своемъ изъ бани не давать мнѣ ничего ни пить, ни ѣсть. Потомъ я былъ потребованъ къ допросу въ комиссію и опять показывалъ то же, что и прежде, и отосланъ былъ опять въ баню. Пришелъ снова секретарь ко мнѣ, часовыхъ выслалъ вонъ, а меня всячески страдалъ и грозилъ.

— «Ты долженъ сказать объ убійствѣ Алтуховой, я безъ того не отстану отъ тебя.

— «Что угодно со мной дѣлайте, — отвѣтилъ я, — я ничего не знаю.

«Исправникъ схватилъ меня за уши, началъ приподнимать кверху и приговаривалъ:

— «Скажешь потомъ, скажешь.

«Потомъ оставилъ мои уши и схватилъ обѣими руками челюсти, прижалъ меня къ стѣнѣ и кричалъ:

— «Сказывай, безъ того не отстану!

«У меня глаза лѣзли вонъ отъ боли. Секретарь билъ меня по щекамъ кулаками и разсѣкъ языкъ до крови. Потомъ схватилъ за шею и сдавилъ меня такъ, что я чуть было не задохся. Затѣмъ бросилъ меня и ушелъ.

«Трое сутокъ пробылъ я въ банѣ, не пивши и не ѣвши, на четвертые сутки къ вечеру пришелъ унтеръ-офицеръ и сказалъ:

— «Ты, можетъ быть, ѣсть хочешь?

«Я крѣпко заплакалъ и отвѣчалъ:

— «Когда мнѣ не велѣно давать ни пить, ни ѣсть, что жъ я сдѣлаю?

«Унтеръ-офицеръ объяснилъ, что секретарь послалъ его узнать, не запрошу ли я ѣсть. Я сказалъ, что прошу ѣсть. Тогда мнѣ принесли пять соленыхъ огурцовъ и кусокъ хлѣба. Пить мнѣ не велѣно было давать. И я цѣлую ночь не пилъ. На пятый день потребовали меня въ комиссію. Тамъ предсѣдатель сталъ меня опять спрашивать:

— «Какъ было дѣло?